

ПО
СЛЕДАМ
ГРОМКИХ
ДЕЛ



**Читайте романы ТАТЬЯНЫ СТЕПАНОВОЙ –
КЛАССИЧЕСКИЕ ДЕТЕКТИВЫ,
написанные по всем законам жанра:**

В моей руке – гибель

Звезда на одну роль

Венчание со страхом

Прощание с кошмаром

Темный инстинкт

Все оттенки черного

Зеркало для невидимки

Врата ночи

На randevу с тенью

Улыбка химеры

Готическая коллекция

Ключ от миража

29 отравленных принцев

Флердоранж – аромат траура

Молчание сфинкса

Родео для прекрасных дам

Дамоклов меч над звездным тронem

Рейтинг темного божества

Прощай, Византия!

Сон над бездной

Царство Флоры

Предсказание – End

Драконы ночи

Black & Red

Пир на закате солнца

Три богини судьбы

ДНК неземной любви

Душа-потемки

Тот, кто придет за тобой

Демоны без ангелов

Валькирия в черном

Когда боги закрывают глаза

Девять воплощений кошки

Яд-шоколад

Невеста вечности

Колесница времени

Падший ангел за левым плечом

Призрак Безымянного переулкa

Пейзаж с чудовищем

Грехи и мифы Патриарших прудов

Созвездие Хаоса

Часы, идущие назад

Светлый путь в никуда

Умру вместе с тобой

Циклоп и нимфа

Последняя истина, последняя страсть

Перекресток трех дорог

Имеющий уши, да услышит

Великая иллюзия

Коридор затмений

Мойры сплели свои нити

Корень зла среди трав

Храм Темного предка



ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Корень зла
среди трав



МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С79

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Издание осуществлено при содействии
«Литературного агентства Ольги Рубис»

Степанова, Татьяна Юрьевна.

С79 **Корень зла среди трав / Татьяна Степанова.** — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-208814-8

В далеком 1951 году профессор ботаники Кантемиров во время экспедиции на Домбай-Ульген был обвинен в жестоких убийствах трех женщин. С помощью влюбленной в него аспирантки Ниночки профессору удалось бежать в Москву, где с него сняли все подозрения...

Казалось бы, прошло столько лет, та давняя история уже быльем поросла... Ан нет!

В Подмоскovie с разницей в несколько дней обнаружены тела задушенных женщин. Полковник Гущин и помогающие ему в расследовании Клавдий Мамонтов и Макар Псалтырников не сомневаются, что перед ними деяния серийного маньяка. Картина убийств совпадает, как и необычные детали, которые душитель оставляет на телах жертв. И все они указывают на то давнее дело. Наследники профессора Кантемирова не переняли его одержимость ботаникой, но одержимость иного рода, судя по всему, у них в крови...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Степанова Т.Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-208814-8

Глава 1

НЕРАСЛЕУМ. БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ

Домбай-Ульген.
Векового льда печаль.
Голубой подлунный дым.
Невысокая арча,
У дувала горка дынь,
Буйный тезка мой борщевик
И отара на горе...
Эхо повторило крик
В тишине. На заре...
Чьи следы в густой траве?

*Стихи Гектора Борщова
из «Кавказской тетради»,
не прочтенные Кате*

Июль 1951. Кавказ

Они стояли в густых труднопроходимых зарослях, отрезанные от всего мира. Над их головами на высоте четырех метров сплетались белые соцветия, схожие видом с опрокинутыми куполами. Толстые зеленые стебли напоминали трубы органа, изумрудные листья поражали изощренной вычурностью и совершенством форм.

— Гиганты. Каковы, а? — Профессор обернулся к аспирантке. — Великолепные экземпляры. Здесь произрастают лучшие образцы, чем в окрестностях Нальчика.

— Семейство Зонтичные, подсемейство Сельдерейные, — словно на экзамене выпалила двадцатилетняя ас-

пирантка в соломенной шляпе, мужских рабочих брюках и яловых сапогах, купленных на кисловодском базаре. — *Heacleum*. Борщевик Сосновского. Названный в честь вашего учителя. Описание не передает всю его красоту.

— И природную мощь. Какая могучая биомасса! — Пятидесятилетний профессор ботаники и руководитель экспедиции задрал голову, созерцая гигантские растения. — Воплощенная красота, да, вы правы... Она внушала трепет моему учителю. Я начинал у Сосновского студентом в ботанических садах Тифлиса еще в конце двадцатых. Он был одержим прелестью цветов, деревьев, трав... Часами созерцал лепестки магнолий, плывущие по ручью, зелень кипарисов сквозь струи водопада бывших царских садов и разнотравье. Меня же в годы ученичества привлекала не пустота красоты, но польза, которую может принести людям щедрость природы. Перед нами сейчас ее дар, способный накормить столько...

— Скотов. То есть я хотела сказать — коров, овец, свиней. Многообещающая силосная культура, полезная народному сельскому хозяйству и животноводству. — По тону двадцатилетней аспирантки с трудом угадывался смысл, вложенный во фразу.

— Естественно, в вашем возрасте красота важнее. Не ехидничайте, — пятидесятилетний профессор усмехнулся, он явно рисовался перед юной помощницей. — Надо позвать рабочих с лопатами. Выкопаем одного из этих титанов. Я хочу изучить подробно и описать сей кавказский мегаэкземпляр от корневой системы до соцветий.

Он властно взял аспирантку за руку, собираясь вывести ее из зарослей. И увидел на ее кисти багровое пятно от запястья до пальцев.

— Что у вас? Дерматит?

— Сама не знаю. Появилось после нашего похода в горы. И здесь тоже, — она показала ладони с пятнами, смахивающими на следы ожога. — Я рвала листья и соцветия для гербария без рукавиц. Ничего не болит.

— Вернемся в аул — обработаем, — высокий профессор наклонился, заботливо осматривая ее руки.

— У вас тоже красные пятна. На щеке и на шее.

— На меня брызнул сок борщевика, когда мы третьего дня шли по склону горы сквозь заросли, — профессор потер небритую щеку. — Чешется сейчас ужасно, я решил, меня кто-то укусил.

— Нет, не укус и не загар, — аспирантка робко дотронулась пальцами до его щеки. Легкое касание...

Полуденное солнце пекло, пробиваясь сквозь свод белых соцветий борщевика Сосновского, рисуя причудливые узоры на листьях. На их запачканной землей одежде. На их лицах.

В тишине гудели пчелы. И вдруг...

Ааааааааааа!

Громкий истошный крик разорвал солнечную тишину. Горное эхо подхватило его, разнесло.

Они поспешили прочь из зарослей, выбрались на склон, откуда открывался потрясающий вид на окрестности. На фоне голубого неба вдали сияли льды горной вершины. Дикие розы оплетали кусты на окраине кукурузного поля, за которым виднелся аул. Вдоль склона вниз по тропе бежали двое мужчин, они кричали, махали руками. Рабочие ботанической экспедиции, разгружавшие инвентарь и лопаты из выюков лошадей, что-то оживленно, тревожно обсуждали.

— В чем дело? — спросила аспирантка. В отличие от профессора ботаники, своего научного руководителя, она не понимала языков Кавказа. А профессор с юности знал наречия здешних мест.

— Они говорят: нашли еще одно тело в зарослях. Девушка пропавшая — дочка начальника почты. Она мертва. — Профессор громко обратился к бегущим по тропе мужчинам.

Те остановились. Указывая в сторону зарослей таких же гигантских борщевиков Сосновского на обочине кукурузного поля, хрипло кричали, объясняя.

— Что там? — Общая тревога захлестнула аспирантку, словно волна.

— В кустах лужа крови. Девушку убили. Надо немедленно звонить в район!

Крики не умолкали. Горное эхо дробилось о скалы.

— Они сильно напуганы. — Профессор ботаники решал, как ему, руководителю экспедиции, поступить в сложившейся ситуации — продолжать работу или возвращаться в аул. — Орут, что зверь завелся в горах. Хищник.

— Хищник? Но та, другая женщина была убита не животным, — аспирантка тревожно заглядывала в глаза своему учителю. — Ее же нашли у источника, местные жители всегда берут там воду, и дикий зверь просто не мог так ее... Мы же сами видели тело!

— Они кричат — зверь в человеческом облике появился здесь, на Домбай-Ульгене, — перевел он ей.

Над кукурузным полем и зарослями гигантских борщевиков кружили стервятники. Падальщики слетались на пир с Кавказских гор.

Глава 2

ПЕТАЯ

Наши дни. Май. Подмосковье

Женщина с большой нагруженной сумкой на ремне, надетой через плечо, шла по лесной тропинке. Накрапывал майский дождик. Женщина застегнула до самого горла синюю ветровку, низко натянула на лицо непромокаемый капюшон. Впереди слышался шум федеральной трассы, до нее оставалось совсем немного. Женщина торопилась на рейсовый автобус. Местные жители обычно добирались из поселка до шоссе другим путем, но она всегда срезала здесь полкилометра — сворачивала напрямик на старую заросшую тропу, в густой подлесок, высаженный вдоль шоссе.

Женщина деловито пощупала сумку — не промокает ли? В сумке газеты, журналы. Рейсовый автобус, что ходит по расписанию, довезет ее до поселка у знаменитого дома-музея. А если опоздаешь на автобус, то шесть километров пешком брести через поля, рошу и садовые товарищества. А куда денешься? Работа есть работа.

Женщина бодро шагала и считала в уме деньги. Счастье, что за квартиру уплачено. Покупать себе что-то из одежды до осени она теперь, конечно, не сможет. Но она и раньше особо на барахло не тратила. Однако собиралась летом на распродаже с максимальной скидкой приобрести крепкие демисезонные ботинки — на распутицу. Но видно, не судьба. Даже и со скидкой... На еду у нее все же останется после коммунальных выплат и суммы, что она в сложившейся ситуации должна накопить. Но не густо. А поесть... *пожрать* она любит! Ест вот и не жиреет, потому что нервов столько сейчас приходится тратить. Психика вся у нее издерганная... И работа, в общем-то, хреновая, тяжелая. Нелюбимая работа. Много времени в разъездах, в дороге. И ответственность. С чужими деньгами так всегда.

Самый больной вопрос с насущными тратами — покупка лекарств. Ей придется выбирать, что взять — в супермаркете куриные окорочка и селедку, обожаемую с детства, или в аптеке таблетки, без которых ей уже не обойтись. Таблетки ей врач прописал. Гречку проклятую она ненавидит, черный хлеб желудок ее не переваривает. Кашу есть? Да давится она этой чертовой пшениной кашей! И так варит только ее одну порой целыми днями последний месяц. А любит она колбасу докторскую, сосиски и...

Водочки бы купить... Водочки да селедочки... Как мамаша-покойница говорила...

Нет, она не алкашка. *Это он алкаш конченный, отморозок...* Но водочку и она употребляет. Когда два часа зимой на морозе в полумертвом Ухватове ждешь деревенский автобус, что вроде как ходит по расписанию, но не при-

езжает, дьявол, пропускает рейсы, как потом согреться, чтобы не свалиться с простудой?

Мерзкие бабки и деды из подмосковных деревень, ее подопечные... Как же она их порой ненавидит! Чтоб они все передохли, гнилушки, заедающие чужой век! Но с другой стороны, именно эти окостенелые старухи дают ей возможность заработать на кусок хлеба. Не было бы их, ее бы уволили из отделения. И куда идти работать? Швеей на фабрику? А шить она тоже ненавидит. Не желает. Она вольный человек, а не фабричная моль. Насмотрелась она в детстве, в юности на фабричных.

Водочки бы купить... Взбодриться прямо сейчас... Нет, нет, бухло не ее тайная страсть. Это все *он*... Ублюдок, змей поганый...

Одно только ей душу греет в ее безденежье, расстройстве, гневе и печали. То, что она честная женщина. Несмотря ни на какие обстоятельства — она честная. Она лучше от себя кусок оторвет, чем что-то украдет, прикарманит, присвоит. Так ее мамаша-покойница воспитала. Насчет чужого добра и бабла — ни-ни! Никогда! А водочки можно, даже нужно порой хлебнуть — но только на свои, кровные, заработанные гроши. И селедочкой с лучком закусить. «Для нас, работяг, водка — тот же хлеб, — говаривала в подпитии мать — волочильщица по профессии на фабрике в Иванове. — Но мы, детка, — пролетариат, классовый гегемон! Честные люди».

Женщина шла по тропе среди зарослей. Дождь лил все сильнее. Капли дробились о белые зонтики высоких растений, выстроившихся как на параде вдоль тропы.

И внезапно справа из кустов бузины выпорхнула птица. Они в дождь почти никогда не летают, сидят на ветках, нахохлившись. Пережидают ненастье.

Если только кто-то не вспугнет их...

С тревожным писком с деревьев сорвались еще две птицы. Женщина замедлила шаг, но не успела даже оглянуться.

Нападение на нее произошло молниеносно. Горло женщины захлестнула веревка. Ее рванули назад, одновременно подсекая сильным ударом ей ноги и затягивая петлю у нее на шее с жестокой неумолимой страшной силой. Она вскрикнула, вцепилась в веревку, но ее пальцы только скребли по ней, не способные уже ослабить петлю, что душила ее. Женщина хрипела, билась, пытаясь вырваться, из последних сил оглянуться назад, чтобы увидеть того, кто душил ее среди зарослей. Силы ее иссякали. Она уже не могла кричать, звать на помощь...

И вот она рухнула на землю, сминая кусты, ломая зеленые стебли, увенчанные белыми зонтиками соцветий. Скрюченными пальцами она царапала траву, рвала листья, пачкая ладони в густом соке. На ее затылок наступили ногой в тяжелой обуви, безжалостно вдавливая ее лицо все глубже в траву, в раскисшую под дождем грязь, лишая ее последнего вздоха. И жизни.

Глава 3

ПЯТНО

Наши дни. Июль. Подмосковье

То, что она мертва, Клавдий Мамонтов понял сразу — ее посиневшее от удушья лицо, вытаращенные глаза и прикушенный в агонии язык являли собой ужасающую маску смерти. Ее соседка все еще продолжала испуганно ахать, но ее дрожащий голос звучал все тише, глуше, потому что она тоже *увидела все остальные детали*.

Палки для скандинавской ходьбы валялись в траве, далеко отброшенные в сторону.

Концы веревки... Веревку запачкали землей — но только один ее конец. Второй оставался чистым. Петлю веревки туго затянули на шее женщины.

— Она задушена, — потрясенно констатировал Макар. — Ее убили.

Собачки ее соседки — два забавных йоркшира на шлейке, заливавшиеся истерическим лаем, внезапно стихли. А потом оба как по команде завьли и бросились прямо к мертвому телу в траве. Соседка едва удержала их. Они выли и рвались к труп, словно ими вдруг овладело бешенство. Брат соседки перехватил поводок и рванул собачек назад.

— Осторожнее! Ты им шеи сломаешь! — крикнула соседка.

Клавдий Мамонтов от неожиданности и нелепости, жуткого сюрреализма открывшейся их глазам мизансцены оцепенел. Боль в раненой руке стала нестерпимой. Видно, действие лекарства как раз закончилось.

— Что, черт возьми, здесь произошло? Кто с ней сотворил такое?! — спросил брат соседки, удерживая воющих йоркширов.

— Звоните немедленно в полицию, — тихо сказал соседке Макар.

Он был бледным, встревоженным, однако спокойным. Достал навороченный мобильный и быстро сделал несколько снимков труп.

Соседка вытащила из кармана летних брюк телефон и позвонила.

Итак, соседка и ее брат... Всего каких-то полчаса назад, когда Клавдий Мамонтов и Макар приехали в дачный поселок Сарафаново и заблудились в нем, потому что там отсутствовали и номера домов, и названия улиц, а затем внезапно удача вывела их прямо к двум старым дачам на окраине возле заросшего буйным июльским разнотравьем поля, они встретили *ее* — эту незнакомку. Ее соседку.

«У Наташиной дачи в Сарафанове синий забор — она мне в телефонном разговоре все описала. И на нем старое граффити — абстракция. Еще Юра рисовал, ее муж, когда у него были силы. Забор приметный, так что найдете ее обиталище», — напутствовала их Вера Павловна — гувернантка и учительница маленьких дочек Макара.

Кружа по пустынным дачным улицам с высоченными глухими заборами, они в конце концов наткнулись на синюю ограду с полинявшими от дождей разноцветными граффити в виде пятен и линий. Вышли из внедорожника и начали сначала вежливо стучать в калитку. Затем окликать хозяйку. Но так и не дождались от нее ответа.

На их голоса из дачи напротив, скрывающейся за забором, выкрашенным суриком, вышла полная женщина лет пятидесяти в цветном сарафане с двумя йоркширами на сворке.

— Добрый день, — вежливо, галантно поздоровался с ней Макар. — Мы к Авессоломовым. Но никто нам не открывает.

— Вы к Наталье Эдуардовне? Только она не Авессоломова. А Гулькина. Авессоломов — фамилия ее покойного мужа, — ответила женщина с собачками. — Я ее соседка. Наталья Эдуардовна вас ждет? Вы к ней тоже в гости сегодня? И что же, ее дома нет?

— Нет. Стучим-стучим. — Макар развел руками, улыбаясь соседке. — Мы по делу приехали. И вроде договаривались с ней. Только немного припозднились.

— Так она, наверное, как обычно, после обеда отправилась прогуляться до речки, — ответила соседка. — Она увлеклась скандинавской ходьбой, палки себе купила. Показывала мне. Она на речку ушла.

— Не покажете нам, где у вас речка? — спросил Клавдий Мамонтов. — Может, мы ее там найдем? А то ждать у дачи непонятно сколько времени... Мы по делу к вашей соседке издалека приехали.

— Пойдемте, я вас провожу, я все равно собак выгуливаю. Здесь близко. А на машине, даже на вашем везе-ходе, к речке не проедешь, — соседка смерила глазами высокого Клавдия Мамонтова с забинтованной рукой на перевязи и обернулась к приветливо улыбавшемуся ей Макару.

С ним она без умолку трещала о своих йоркширах, которых он похвалил, пока они, оставив машину, нето-

ропливо брели через поле. Когда они его пересекли, на опушке рощи, обрамлявшей поле, появился мужчина крепкого сложения — в дачных шортах и промокшей от пота футболке. Он был обут в перепачканные землей кроссовки.

— Славно побегал? — окликнула его соседка. — Знакомьтесь, мой младший брат Денис.

Брат соседки помахал рукой и направился прямо к ним.

— Аня, а вы куда? Кто это с тобой? — спросил он, подбегая, вытирая с лица капли пота.

— Снова гости к Наталье Эдуардовне, — ответила его сестра. — Ты ее не встретил, когда бегал?

Ее брат отрицательно покачал головой. Фразе «снова гости» Клавдий Мамонтов в тот момент и значения не придал. Кто мог вообще предположить, что обычным июльским вечером в сонном подмосковном дачном поселке Сарафаново они столкнутся с *подобным*.

— Если ее нет на речке, она, возможно, дальше ушла со своими палками — к Мелихово. Она иногда и туда забредает, хотя далековато, сама мне хвалилась, — рассказывала Макару соседка. — В музей-усадьбу. Меня как-то раз на прогулку приглашала с собой. Но в тот день такая жара стояла. Да и сегодня прохлады никакой. Душно. Парит.

Она оживленно обращалась именно к Макару — видно, он, красавец блондин в белой льняной рубашке и брюках дорогой фирмы, действовал на нее возбуждающе. Ее женский энтузиазм не остался незамеченным и ее братом — тот перешел с бега на шаг и держался рядом. То ли ему стало любопытно — что за типы приехали к Гулькиной и чего им надо от нее, то ли не желал оставлять свою доверчивую сестру одну в компании двух незнакомцев.

Они вчетвером вошли в лес. Среди деревьев буйно разрослись кусты. В траве дачники проложили тропинки, а вокруг раскинулось зеленое царство — дикая малина,

крапива, чертополох и здоровенные растения с толстыми стеблями и белыми соцветиями. Из дачного детства Клавдий Мамонтов помнил, что они с мальчишками именовали их «дудниками». А может, у них имелось иное название? Он не вникал.

Внезапно маленькие собачки на шлейке, словно веселый горох катившиеся впереди них, остановились, замерли и вдруг залились бешеным истошным лаем.

В смятой траве и кустах что-то белело впереди.

А потом они увидели тело.

Женщина лежала на спине, раскинув руки, непристойно раздвинув ноги. В позе трупа было нечто нарочитое, неестественное, искусственное. Что сразу бросалось в глаза.

На шею женщины туго затянули веревку. Испачканный грязью конец вдавился в траву, в землю. Чистый конец веревки завели за ухо мертвой.

Одежду — футболку, дачные брюки, нижнее белье разорвали. Так в первый момент показалось Клавдию Мамонтову. Женщине обнажили тело — грудь и живот до самого лобка. Между обвисших грудей с коричневыми сосками красовалось большое пятно неровной странной формы.

— Что, черт возьми, у нее на груди?! — испуганно спросил Денис.

— Не подходи к ней! — его сестра вцепилась в его плечо. — Пусть полиция разбирается!!

Клавдий Мамонтов и Макар переглянулись. Макар тоже указал глазами на пятно. Навел камеру мобильного и снова все сфотографировал.

Клавдий Мамонтов с расстояния, отделявшего их от трупа, пытался лучше разглядеть пятно, у которого был алый контур. На коже внутри контура засохла какая-то слизь.

На голом дряблом животе задушенной женщины лежали увядшие пожухшие белые соцветия зонтичной формы. Одно из таких пожухших соцветий воткнули